

УДК 821.161.1 – 31.09
АННА ПАВЕЛЬЕВА
(Полтава)

ОППОЗИЦИЯ *ВЕРХ/НИЗ* В ЦИКЛЕ Н.В.ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

Ключові слова: верх, низ, модель світу, Світове дерево, драбина, небо, земля.

Проблема исследования пространственно-временных отношений в художественной прозе Гоголя продолжает оставаться актуальной и недостаточно изученной в современном гоголеведении, несмотря на то, что к ней обращались такие известные литературоведы, как М.М.Бахтин, Ю.М.Лотман и др.

Целью данной статьи является рассмотрение пространственной оппозиции *верх/низ* в первом гоголевском цикле и выявление её роли, воплощений и уровней в структуре модели мира, созданной писателем.

В мифологической модели мира противопоставление *верх/низ* является одним из основных наряду с правым и левым, мужским и женским, днём и ночью, добром и злом и т. д. [10, с.233]. В цикле Н.В.Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» это противопоставление является важным элементом пространственной вертикали. Данная оппозиция играет заметную роль в сюжетообразовании первых повестей писателя.

Вертикальная картина мира гоголевских повестей построена главным образом на двучленных и трёхчленных мифологических системах *низ* (земля) – *верх* (небо) и *низ* (вода или подземный мир/ад) – земля – *верх* (небо).

Чаще всего в цикле встречается двучленная вертикаль небо/земля. Небо в повестях Н.В.Гоголя не просто противопоставляется земле по оси *верх/низ*. Это – «голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землёю», «необъятный небесный свод». Небо у Гоголя не только прекрасно, но и возвышенно, божеественно, очаровательно. Сравним в повести «Майская ночь»: «Так же торжественно дышало в вышине <...>. Так же прекрасна была земля в дивном серебряном блеске» [4, с.80]. Примечательно, что, несмотря на неоднократно подчеркнутую писателем необъятность небесной сферы, мы видим её нижний край в этой повести: «...необъятно синело теплое украинское небо, завешенное снизу кудрявыми ветвями <...> вишен» [4, с.56].

В то же время небо и земля в повестях цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» являются воплощением мужского и женского начала. У Гоголя «голубой неизмеримый океан <...> заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную [землю – А.П.] в воздушных объятиях своих» [4, с.14]. Однако небо в гоголевских повестях выступает как мужское начало только тогда, когда воздушная стихия сливается с водной, то есть, в роли неба-океана. «Здесь нашли отражение представления древних славян о браке бога Неба и богини Матери Сыра-земли» [9, с.79]. Небо по отношению к океану (воде) символизирует женское начало: «Как бессильный старец, держал он [пруд – А.П.] в холодных объятиях своих далекое, темное небо, обсыпая ледяными поцелуями огненные звезды» [4, с.57].

Оппозиция *верх/низ* реализуется в повестях Гоголя не только как противопоставление неба и земли, но и как отражение неба в воде: «Небо, его чистое зеркало – река

в зеленых, гордо поднятых рамах...» [4, с.14-15]; «Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы – все опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую прекрасную бездну» [4, с.16]. Подобные противопоставления встречаются в ранней прозе Гоголя довольно часто. Например, в повести «Страшная месть» Днепр и межгорные озёра не просто отражают небо, но подчеркивают его глубину: «Горы те – не горы: подошвы у них нет, внизу их как иверху, острая вершина, и под ними и над ними высокое небо. Те леса, что стоят на холмах, не леса: то волосы, поросшие на косматой голове лесного деда. Под нею в воде моется борода, и под бороною и над волосами высокое небо. Те луга – не луга: то зеленый пояс, перепоясавший посередине круглое небо, и в верхней половине и в нижней половине прогуливается месяц» [4, с.141]. Два океана – воздушный и водный, удлиняют вертикальную ось мира (обычно ограниченную в рамках «небо – земля») до бесконечности. Даже жаворонок у Гоголя дрожит «вверху только, в небесной глубине», а не высоте [4, с.14].

В мифологии связь между небом и землёй подчеркивается при помощи образов лестницы, реки и Мирового дерева. Эти устойчивые мифологические представления о связи верхнего и нижнего миров нашли отражение в 4-х повестях цикла. Так, в повести «Майская ночь, или утопленница» Ганна замечает, что «...есть где-то, в какой-то далекой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нем на землю ночью перед светлым праздником» [4, с.56]. М.Попович указывает, что Галя представляет связь неба и земли в соответствии с языческими представлениями, в виде Мирового дерева, а более образованный Левко, поэт и музыкант, переводит языческую образность по-своему [11, с.61]. В.И.Мацапура обращает внимание на то, что в представлении Левка языческому дереву соответствует образ лестницы «от неба до самой земли», по которой Бог спускается на землю [9, с.78]. Образ лестницы встречается и в повести «Сорочинская ярмарка». Песни жаворонка «летят по воздушным ступеням на влюбленную землю» [4, с.14] – сверху вниз, а небо, подобное океану, соединяется с землёй при помощи незримой воздушной лестницы и «подоблачных дубов».

В мифологическом мире «Вечеров на хуторе близ Диканьки» своеобразным соответствием мировой оси является дуб. Это дерево символизирует вертикаль, прямую, которая является связующим звеном между верхом и низом. По мнению Ганны, героини повести «Майская ночь, или утопленница», «ни один дуб у нас не достанет до неба» [4, с.56]. Параска в повести «Сорочинская ярмарка» в сердцах восклицает: «Скорее песок взойдет на камне и дуб погнется в воду, как верба, нежели я нагнусь перед тобою!» [4, с.37]. Таким образом, используя фольклорную символику, героиня подчеркивает, что не поклонится своей мачехе при встрече с ней, ведь дуб считается символом гордости и непоколебимости [12, с.12; 29].

В славянской мифологии именно дуб является символом Мирового дерева, у подножья которого «совершается важнейший космогонический или ритуальный акт: боги, шаманы и т.п. проникают во все миры» [10]. В повести «Страшная месть» также упоминается «высокий дуб», который символизирует пространственную вертикаль – переход из человеческого мира в демонический. Данило Бурульбаш взбирается по этому дубу, чтобы взглянуть в окно замка, в котором живёт колдун. Согласно мифологическим верованиям, на Мировом дереве обитают души. Н.В.Слухай отмечает, что у восточных славян дерево считается укрытием при рождении, жизни, смерти [12,

с.110]. Так, в повести «Майская ночь, или утопленница» винокур предлагает повесить «дьявола в вывороченном тулупе» «на верхушке дуба вместо паникадила» [4, с.72] и таким образом наказать его.

В двучленной мифологической системе горы занимают промежуточное положение между верхом и низом, являясь одновременно символом единения неба и земли и символом множественности, расширения универсума, горя и печали [12, с.11]. Таким образом, вырисовывается вертикаль небо–горы–земля/вода. Так, в повести «Страшная месть» автор использует гиперболизированное описание Карпат. В данном произведении горы (как и лестница, река или Мировое дерево) являются неким промежуточным звеном между верхом и низом (небом и землёй): «Не задорное ли море выбежало в бурю из широких берегов, вскинуло вихрем безобразные волны, и они, окаменев, остались недвижимы в воздухе? Не оборвались ли с неба тяжелые тучи и загромоздили собою землю? ибо и на них такой же серый цвет, а белая верхушка блестит и искрится при солнце» [4, с.166]. Однако, в этой же повести оппозиция *верх/низ* находит воплощение в противопоставлении гор земле. Так, хутор пана Данила находится внизу, «между двумя горами, в узкой долине, сбегаящей к Днепру» [4, с.144], а замок колдуна стоит возле горы, и сам колдун спускается к нему.

Примечательно, что повесть «Страшная месть» имеет наиболее сложную пространственно-временную структуру. Здесь пространственная двухуровневая вертикаль (небо–земля) удлиняется и трансформируется в две четырёхуровневые вертикали: небо–горы–земля/вода–«провалы» (в мифическом времени), и небо–горы–«провалы»–подземелье (в историческом времени). В мифологической картине мира эта вертикаль обычно имеет две оси: небо–земля и земля–«провалы». «...Есть между горами провал, в провале дна никто не видал; сколько от земли до неба, столько [от земли. – А.П.] до дна того провала», – пишет Гоголь [4, с.174]. В исторической картине мира четырёхуровневая вертикаль состоит из осей небо–горы и горы–провалы–подземелье: «и донныне стоит на Карпате на коне дивный рыцарь, и видит, как в бездонном провале грызут мертвецы мертвеца, и чует, как лежащий под землею мертвец растёт...» [4, с.176].

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» также можно обнаружить две демонические вертикали, которые являются своеобразной трансформацией модели Мирового дерева. Петрусь спустился в глубокий яр, где «сундук стал уходить в землю, и все, чем далее, глубже, глубже; а позади его слышался хохот, более схожий с змеиным шипением» [4, с.47]. Автор не случайно упоминает о «змеином шипении». В соответствии с мифологическими представлениями у корней Мирового дерева обычно располагается змей. Детали текста свидетельствуют о том, что клад находился в нижнем по отношению к человеческому миру пространстве, а Петрусь – в нижнем по отношению к верхнему (небесному) миру. Вторую демоническую вертикаль находим в конце повести. Гоголь пишет, что в развалившемся шинке «из закоптевшей трубы столбом валил дым и, поднявшись высоко, так, что посмотреть – шапка валилась, рассыпался горячими угольями по всей степи», а чёрт «так всхлипывал жалобно в своей конуре, что испуганные гайвороны стаями подымались из ближнего дубового леса и с диким криком метались по небу» [4, с.53]. В мифологии птицы связаны с вершиной Мирового дерева (у Гоголя – «гайвороны»), человек – со стволом (у Гоголя – «доброму человеку пройти нельзя было»), змей – с корнем (у Гоголя – чёрт, которого автор называет в своём цикле «искусителем рода людского»).

В мифах многих народов мира в кроне Мирового дерева изображается гнездо. В «Сорочинской ярмарке» нечистый, о котором повествует Цыбуля, изгнанный из пекла наверх, то есть, на землю, «угнездился» в сарае, а дед в повести «Пропавшая грамота» требует себе коня, чтобы «выбраться из гнезда вашего!» (т.е. нечистого гнезда) [4, с.90]. Галя в «Майской ночи» размышляет о небе и крыльях: «Что, если бы у людей были крылья, как у птиц, – туда бы полететь, высоко, высоко...» [4, с.56].

В гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки» ещё одним звеном, которое связывает небесный и земной миры (помимо лестницы, Мирового дерева и гор) является месяц. Ночное светило у Гоголя поднимается с земли на небо: «Огромный огненный месяц величественно стал в это время вырезываться из земли. Еще половина его была под землею, а уже весь мир исполнился какого-то торжественного света» [4, с.59].

Пространственная оппозиция *верх/низ* выполняет функцию значимой ориентационной метафоры [см.: Лакофф Дж., Джонсон М.]. Традиционно координата *верх* используется для положительной оценки явлений и объектов, а *низ* – для отрицательной. Так, колдун в повести Гоголя «Страшная месть» «спустился с горы», а Петрусь «спустился густым лесом в глубокий яр», то есть вниз по вертикальной оси. В повести «Вечер накануне Ивана Купала», как и во многих мифах, перемещение героя по дьявольской вертикали из верхнего мира в нижний сопряжено с запретом оглядываться назад. В «Ночи перед Рождеством» события происходят не только по вертикали сверху вниз, но и по диагонали. Например, автор указывает, что ведьма «спустилась по воздуху, будто по ледяной покатоной горе» [4, с.106].

Дед в «Пропавшей грамоте» вместо того, чтобы передвигаться по горизонтали, идя по лесу, спускается по вертикали вниз: «Темно и глухо, как в винном подвале; только слышно было, что далеко-далеко вверху, над головою, холодный ветер гулял по верхушкам деревьев» [4, с.86]. Герой повести смог выбраться наверх только с помощью демонического помощника: «Конь, как огонь, взвился под ним, и дед, что птица, вынесся наверх» [4, с.90]. Данный эпизод ассоциируется с волшебными сказками, герои которых спускаются в подземный мир обычным способом, но возвращаются назад при помощи волшебных животных или птиц.

Пространственная координата *верх* в гоголевском цикле часто связывается с обозначением чувства страха. Так, в повести «Сорочинская ярмарка» Хивря подсказывает трусливому попovichу, где плетень «пониже», а после прихода гостей, чтобы спрятать своего любовника, посылает его на доски, расположенные «под самым потолком». Один из гостей Черевика, увидев «свиную рожу» в окне, «в непобедимом страхе подскочил под потолок <...>»; и попovich с громом и треском полетел на землю» [4, с.30]. Подобные ситуации встречаются и в других гоголевских повестях. Резкое изменение местонахождения героя придаёт повести комическую окраску. В «Сорочинской ярмарке» чёрт заставил жида в страхе «плясать повыше вот этого сволока» [4, с.29]. В повести «Заколдованное место» автор подчеркивает, что «дрожь проняла деда», когда «заблеяла баранья голова с верхушки дерева» [4, с.206], а в «Пропавшей грамоте» – что дрожь бы проняла крещеного человека [от страха. – А.П.] при одном виде, как высоко скакало бесовское племя» [4, с.87].

Гоголь подчеркивает, что опасное пространство вызывает у героя чувство страха. Так, дед в повести «Пропавшая грамота» понимает, что находится между жизнью и смертью. «Страх, однако ж, напал на него посреди дороги, когда конь, не слушаясь

ни крику, ни поводам, скакал через провалы и болота. В каких местах он не был, так дрожь забирала при одних рассказах. Глянул как-то себе под ноги – и пуще перепугался: пропасть! крутизна страшная! <...> Через пни, через кочки полетел стремглав в провал и так хватился на дне его о землю, что, кажись, и дух вышибло» [4, с.90]. Таким образом, в повести «Пропавшая грамота» наблюдается изменение пространственных координат. К нечистой силе дед попал, идя по лесу, но назад ему пришлось лететь на коне, причём обратный путь наверх оказался длиннее и опаснее.

Указанные примеры свидетельствуют о том, что нечистая сила в гоголевских повестях подбирается к человеку из высшего или низшего (по отношению к человеческому – как центральному) миров: с неба, из воды или из-под земли.

В первом гоголевском цикле своя система координат наблюдается и в изображении человеческого жилища, где координата *верх* символизирует домашний уют. Например, в повести «Майская ночь, или утопленница» винокур сидел в хате головы «под самым покутом, на почетном месте» [4, с.65], то есть на печи, которая является не только символом тепла, но и уважения.

Однако в повестях Гоголя *верх* не всегда отождествляется с добром, а *низ* – со злом. Оппозиция *верх/низ* часто подчеркивает разнообразие сюжетных ситуаций, местоположение того или иного героя. Так, Параска сидела «на возу», но её злобная мачеха – «на высоте воза». Случайно встретившийся на их пути Грицько Голопупенко бросил в Хиврю комок грязи, когда он сам находился на мосту, а воз «начал спускаться с мосту», то есть, когда парубок находился на возвышении по отношению к сожительнице Черевика. В повести «Вечер накануне Ивана Купала» в шинке над Петрусем Безродным «загрело что-то», а колдун в повести «Страшная месть» выстрелил в Данилу с горы и сразу же «пропал за горою» [4, с.162]. В повести «Вечер накануне Ивана Купала» упоминается о том, что «кто-то, как только вечер, стучит в крышу и царапается по стене» [4, с.53]. Покойник из рассказа винокура («Майская ночь, или утопленница») «сядет верхом на трубу, проклятый, и галушку держит в зубах. Днем все покойно, и слуху нет про него; а только станет примеркать – погляди на крышу, уже и оседлал, собачий сын, трубу» [4, с.68]. Солоха отправляется в путешествие «через трубу»: «с дымом поднялась ведьма верхом на метле» [4, с.97], а «проворный франт с хвостом и козлиною бороною летал из трубы и потом снова в трубу» [4, с.110].

В шутовском диалоге между цыганами оппозиция *верх/низ* также меняет свою семантику: «Так, как будто бы два человека: один наверху, другой нанизу; который из них черт, уже и не распознаю! – А кто наверху? – Баба! – Ну вот, это ж то и есть черт!» [4, с.31].

Люди, как обитатели верхнего мира, чувствуют себя некомфортно в нижнем (демоническом) мире. Бесы также могут пребывать в чужеродном пространстве лишь некоторое время, возвращаясь назад, в ад. Так, чёрт в повести «Сорочинская ярмарка» был изгнан из пекла на землю – в верхний мир (по отношению к подземному – аду), где ему «стало так скучно, так скучно по пекле, что хоть до петли» [4, с.28]. Басаврюк в повести Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» отличается тем, что часто исчезает. Используя данную сюжетную деталь, автор подчеркивает, что «дьявол в человеческом образе» вынужден периодически возвращаться в нижний мир. Русалки в повести «Майская ночь, или утопленница» выходят в верхний (человеческий) мир только лунными ночами, а мертвецы в повести «Страшная месть» поднимаются из земли только

для того, чтобы испытать страшную муку. Все герои гоголевских повестей, побывавшие в демоническом пространстве (неважно, в верхнем или нижнем по отношению к земному), так или иначе расплачиваются за это.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» земной мир традиционно представлен как человеческий: «Козаку лучше спать на гладкой земле при вольном небе...» [4, с.145]. Примечательно, что ни в одной из повестей нечистая сила не смогла одурачить человека в привычной для него среде (на земле). Как правило, это происходит только в «нечистом» пространстве, в нижнем, дьявольском мире. Для демонических существ подводный и подземный мир – естественная среда обитания, пребывание человека в воде или под землёй связано с опасностью или расценивается как потеря души. Так, автор с иронией описывает, как чёрт в повести «Ночь перед Рождеством» грозит, что он «кинется в воду, а душу отправит прямо в пекло» [4, с.112]. Вакула восклицает в сердцах: «Пропадай душа, пойду утоплюсь в пролубе, и поминай как звали!» [4, с.116]. Утопиться или повеситься в славянской мифологии означало отдать душу бесу. В связи с древними представлениями пребывание человека в воздушном или подземном/подводном пространстве приравнивалось если не к потере души, то к греху, который следует искупить.

Верхний и нижний миры изображаются у Гоголя как «тот свет» (рай и пекло), то есть как сверхъестественные пространства. Так, изгнанный из пекла чёрт в повести «Сорочинская ярмарка» «пропал, как будто в воду» [4, с.28], Басаврюк «вдруг пропадет, как в воду, и слуху нет. Там, глядь – снова будто с неба упал» [4, с.41]. Словосочетание «тот свет» употребляется в первом гоголевском сборнике как синоним «рая» 5 раз и как синоним «ада» – 4 раза. Автор 9 раз использует словосочетание «на свете» в значении «на земле». Человеческий мир также называется «белым светом», «крещёным светом», «нашим светом» (в противовес «тому свету»).

Следовательно, уход героя от земного пространства, слишком быстрое перемещение в нём или, наоборот, невозможность перемещения, оцениваются автором как негативные явления. «Черевик <...> бежал по улицам, не видя земли под собою» [4, с.30]; Петрусь от стусана Коржа «невзвидя земли, полетел стремглав» [4, с.44]; а дед в повести «Пропавшая грамота» не удержался на сатанинском скакуне и «полетел стремглав в провал» [4, с.90]. Причины отрицательного отношения к перемещениям подобного рода кроются в легенде об изгнании Дьявола с небес. «Как только Бог ступит на первую ступень, все нечистые духи полетят стремглав и кучами попадают в пекло», – говорит Левко в повести «Майская ночь, или утопленница» [4, с.56-57].

В описании персонажей Гоголь иногда использует пространственные определения. Например, в описании внешности цыгана в повести «Сорочинская ярмарка» автор обращает внимание на его «совершенно провалившийся между носом и острым подбородком рот» [4, с.24]. В данной повести пространственные ориентиры горы–«провал» переносятся на внешность персонажа, который не вызывает симпатий. В чертах цыгана, как отмечает писатель, «было что-то <...> низкое и вместе высокомерное». Так, мертвец Петро в повести «Страшная месть» «всех выше, всех страшнее» [4, с.172].

Итак, пространственная модель мира в цикле Н.В.Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» строится на двух (земля–небо), трёх (вода/подземный мир/пекло–земля–небо или земля–горы–небо) и четырёхуровневой (небо–горы–земля/вода–«провалы»

или небо–горы–«провалы»–подземелье) вертикали. *Верх/низ* в повестях писателя соединяются с помощью Мирового дерева, дуба (как разновидности Мирового дерева), реки, лестницы, месяца, гор. Следует отметить, что эта мифологическая оппозиция является важным хронотопическим элементом первого гоголевского сборника, а ориентационная метафора *верх/низ* также играет значимую роль в выявлении другой оппозиции – *добро/зло*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Бахтин М. М. Рабле и Гоголь / М. М. Бахтин // Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – [2-е изд.]. – М. : Худож. лит., 1990. – С. 526–536.
3. Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: учеб. пособ. / [Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др.]; под ред. Л. В. Чернец. – М. : Высшая школа : Изд. центр «Академия», 1999. – 556 с.
4. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Худож. лит., 1976. – Т. 1 : Вечера на хуторе близ Диканьки / под. общ. ред. С. И. Машинского и М. Б. Храпченко; примеч. А. В. Чичерина и Н. Л. Степанова. – 333 с.
5. Домащенко А. В. Об интерпретации и толковании / А. В. Домащенко. – Донецк : Дон-НУ, 2007. – 277 с.
6. Иванов В. В. Верх и низ / В. В. Иванов // Мифы народов мира : Энциклопедия. – М., 1980. – Т. 1. – С.233–234.
7. Кондратьева О. Н. Вертикальная ось «верх-низ» в характеристике концептов внутреннего мира человека (на материале русских летописей) [Электронный ресурс] / О. Н. Кондратьева. – Режим доступа : <http://www.teneta.ru/rus/ke/kondrateva.htm>
8. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём. IV. Ориентационные метафоры [Электронный ресурс] / Дж. Лакофф Дж., М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–415. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.htm>
9. Мацапура В. И. Н. В. Гоголь: художественный мир сквозь призму поэтики / В. И. Мацапура. – Полтава : Полтавський літератор, 2009. – 304 с.
10. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : «Советская энциклопедия», 1987. – Т. 1. : А-К. – 71 с.
11. Попович М. В. Микола Гоголь : [роман-есе] / М. В. Попович. – К. : Молодь, 1989. – 208 с.
12. Слухай Н. В. Міфопоетичний словник східних слов'ян / Н. В. Слухай. – Сімферополь : Кримське навчально-педагогічне державне вид-во, 1999. – 120 с.

Анна Павельева

ОППОЗИЦИЯ *ВЕРХ/НИЗ* В ЦИКЛЕ Н.В.ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

В статье основным объектом исследования является пространственная оппозиция *верх/низ* в цикле Н.В.Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Автор статьи доказывает, что оппозиция *верх/низ* реализуется в «украинских» повестях Гоголя при помощи образов Мирового дерева, дуба, реки, лестницы, месяца и т.д. При этом подчеркивается связь указанных пространственных ориентиров с оппозицией *добро/зло*.

Ключевые слова: *верх, низ, модель мира, Мировое дерево, лестница, небо, земля.*

Anna Pavelyeva

SPATIAL OPPOSITION *UP/DOWN* IN GOGOL'S CYCLE «THE EVENINGS AT THE FARMSTEAD NEAR DYKANKA»

The main object of investigation in this article is the spatial opposition *up/down* in Gogol's cycle «The Evenings At The Farmstead Near Dykanka». The author of the article proves, that spatial opposition *up/down* is implemented in «Ukrainian» short-stories by Gogol with the help of the images of the World Tree, an oak, a river, the moon and etc. Connection of the mentioned spatial reference points with the opposition good/evil is underlined

Key words: *up, down, World Model, World tree, ladder, sky, ground.*

Одержано 11.02.2010 р., рекомендовано до друку 25.03.2010 р.

УДК 821.161.1 – 1.09
ВИКТОРИЯ ЛЮЛЬКА
(Полтава)

**ЭПИГРАФЫ В РОМАНЕ А.С.ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» КАК ФОРМА
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ**

Ключові слова: *інтертекстуальність, роман у віршах, епіграф, цитата.*

Современное состояние исследования художественных произведений отмечено повышенным интересом к проблеме интертекстуальности. Однако на сегодняшний день границы и содержание понятия «интертекстуальность» в литературоведении не выяснены окончательно, о чем свидетельствуют многочисленные дискуссии и разнообразные толкования термина. Прояснить вопрос, по нашему мнению, могут не только теоретические разработки, но и сравнительно-исторические исследования, в которых можно было бы проследить конкретные формы интертекстуальности, специфику ее проявления в разных родах и жанрах, своеобразие развития в творчестве отдельных писателей. Углубленное изучение теории интертекстуальности неотъемлемо от анализа этого явления в художественном творчестве. В связи с этим изучение творчества А.С.Пушкина с точки зрения интертекстуальности является необычайно важным.

На наш взгляд, при исследовании конкретно-исторических проявлений интертекстуальности в литературе, в том числе и при анализе творчества А.С.Пушкина, именно понятие «интертекстуальность» целесообразно использовать в узком понимании – как использование компонентов какого-нибудь текста (или текстов) в структуре художественного произведения и возникающие на этой основе межтекстовые отношения, которые способствуют реализации авторского замысла и активизируют читательское восприятие. Можно вполне согласиться с мнением Э.Я.Фесенко, которая понимает под интертекстуальностью «выраженную с помощью различных приемов связь с другими произведениями» [10, с.35]. К числу таких приемов относятся, например, эпиграф, пародия, перифраз, цитирование, упоминание знакомых читателям сочинений других